

УДК 811.161-1-2+811.511-111-2

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-54-61>

К вопросу о функционировании контактных глаголов в русской и финской спонтанной речи (на примере глаголов *katsoa* и *(по)смотреть*)

Н. А. Осьмак^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Наталья Андреевна Осьмак,
SPIN-код: 5134-8922;
ResearcherID: AAC-4240-2019;
ORCID: 0000-0003-1436-6225;
e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

Для цитирования:

Осьмак, Н. А.
(2021) К вопросу
о функционировании контактных
глаголов в русской и финской
спонтанной речи (на примере
глаголов *katsoa* и *(по)смотреть*).
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 1, с. 54–61.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-54-61>

Получена 23 января 2021;
прошла рецензирование
18 февраля 2021; принята
19 февраля 2021.

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос функционирования контактных глаголов со значением *смотреть/katsoa* русского и финского языка в спонтанной речи, являющихся в том числе прагматемами, т. е. единицами, утратившими свое лексическое или грамматическое значение, однако реализующими определенные функции в устном дискурсе. Несмотря на наличие отдельных исследований данной группы прагматем как в финском, так и в русском языках, сопоставительному анализу тенденций их употребления не уделялось достаточного внимания, что составляет актуальность данной работы. Материал для исследования был отобран из числа контекстов, представляющих устную непубличную речь устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, а также корпуса ArkiSyn, дающего представление о финской устной речи. Для обоих языков анализировались формы повелительного наклонения второго лица единственного числа: *katso/kato* в финской речи, *смотри/посмотри* в русской. После отбора контекстов был проведен анализ на предмет реализации следующих функций: 1) маркер старта; 2) навигационный маркер; 3) маркер финала; 4) маркер ренарратива; 5) вербальный хезитатив; 6) маркер поиска. Результаты исследования показали, что в функционировании данных единиц в финской и русской спонтанной речи есть много общего, что говорит о несомненной типологической и структурной близости указанных языковых явлений в исследуемых языках. При этом отмечается большая частотность варианта *kato* по отношению *katso* и *смотри* по отношению к *посмотри*. В отношении реализуемых функций можно сказать, что в обеих лингвокультурах частотным является употребление рассматриваемых единиц в качестве стартового, навигационного маркеров и хезитативов. Реже встречается реализация функции финального маркера. Использование в роли маркера ренарратива отмечено не было. В дальнейшем видится перспективным провести подобные сопоставительные исследования для других контактных глаголов русского и финского языков.

Ключевые слова: спонтанная речь, глагольные прагматы, устный дискурс, контактные глаголы, финский язык, русский язык, корпусное исследование.

More on the question of functions of contact verbs in Russian and Finnish spontaneous speech (based on usage of verbs *katsoa* and *(po)smotret*)

N. A. Osmak✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Natalia A. Osmak,
SPIN: 5134-8922;
ResearcherID: AAC-4240-2019;
ORCID: 0000-0003-1436-6225;
e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

For citation:

Osmak, N. A.
(2021) More on the question of functions of verbs in Russian and Finnish spontaneous speech (based on usage of verbs *katsoa* and *(po)smotret*). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 54–61.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-54-61>

Received 23 January 2021;
reviewed 18 February 2021;
accepted 19 February 2021.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper considers the issue of functions of so-called contact verbs *smotret* in Russian language and *katsoa* in Finnish in spontaneous speech. These verbs are also classified as pragmatems, i. e. linguistic units which to a large extent have lost lexical or even grammatical meaning but still have an exact function in oral discourse. Despite the fact that some researches of this pragmatem's group both for Russian and Finnish languages have been made, comparative analyze still hasn't been fulfilled. Material was collected from the contexts representing oral spontaneous non-public speech in Corpus of Spoken Russian (which is a part of The Russian National Corpus) and ArkiSyn-corpus which represents Finnish oral speech. In both languages forms of imperative (second person, singular) were analyzed: forms *katso/kato* in Finnish and *smotri/posmotri* in Russian. When contexts were collected, they were analyzed from the point of serving of such functions: 1) start marker, 2) navigation marker, 3) final marker, 4) renarrative marker, 5) hesitation marker, 6) search marker. The results of the analyze have shown that there is much in common in functions of these linguistic units in Russian and Finnish spontaneous speech. In Finnish form *kato* is more frequent than *katso*, while in Russian *smotri* is more widely used than *posmotri*. As for functions, it is clear that start, navigation and hesitation markers are more frequent than final markers, which can be explained by the semantics of the original verb. Contexts with the function of narrative marker were not found. Further comparative researches of other contact verbs of Russian and Finnish language would be promising.

Keywords: spontaneous speech, verbal pragmatems, oral discourse, contact verbs, Finnish language, Russian language, corpus research.

Введение

Конец XX — начало XXI века по праву считается в современной лингвистике временем возрастания интереса к изучению устной речи разной степени спонтанности, к ее отличительным чертам и особенностям. Кроме этого, особое место в научной литературе в настоящее время занимает изучение условно-речевых единиц устной речи, в частности хезитативов, дискурсивных и прагматических маркеров, и проблема их перевода на другие языки, поскольку их использование в речи отражает в том числе особенности конкретной языковой картины мира и зачастую порождает трудности при подборе эквивалента.

Несмотря на то, что процессы и явления, характеризующие спонтанную речь как таковую, в разных языках имеют общие черты, тем не менее есть ряд различий, которые представляют собой интерес. В этой связи целесообразным кажется обратиться к сравнительному анализу

особенностей устной финской и русской спонтанной речи, а именно функционирования таких маркеров разговорной речи, как контактные глаголы, относящихся к глагольным прагматемам. Данный термин используется в отношении лексем, которые в результате процесса прагматикализации перешли на коммуникативно-прагматический уровень языка и стали сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний (Graf 2011, 288–289). При этом в рамках настоящего исследования остановиться хочется на сопоставлении финского глагола *katsoa* и русской глагольной видовой пары *смотреть/посмотреть*.

Понятие контактных глаголов

Е. А. Гришина относит подобные единицы к контактным словам наряду с обращениями и частицами-обращениями (*ну, а*) и понимает под ними «глаголы, привлекающие внимание

адресата к высказыванию (обычно в форме императива или 2 л.)» (Гришина 2007). В то же время Н. В. Богданова-Бегларян отмечает, что контактные глаголы, являясь по сути глагольными прагматами, представляют собой «глагольные формы с ослабленной семантикой, <...> регулирующие речевое взаимодействие между участниками коммуникации (привлечение внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержание этого контакта в течение разговора и доведение его до логического завершения) и выполняющие в речевом акте различные дополнительные прагматические задачи (вербализация речевого колебания (хезитации), маркирование границ реплики и др.)» (Богданова-Бегларян, Маслова 2019, 160–161). Иначе говоря, контактные глаголы чаще всего выполняют в речи метакоммуникативную функцию. При этом существенную роль играет позиция глагола как внутри реплики, так и внутри всего комплекса реплик (Блинова 2016). В русском языке к таким глаголам чаще всего относят следующие единицы: *знаешь/те, видишь/те, понимаешь/те, представляешь/те (себе), представь/те (себе), (по)слушай/те, (по)смотри/те, (по)гляди/те, прикинь/те, зацени/те, вообрази/те, глянь/те, заметь/те, скажи/те, подожди/те, слышь/те*. Анализ контекстов употребления данной группы глаголов на материале блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка позволил определить следующие их функции в спонтанной речи:

- 1) маркер старта;
- 2) навигационный маркер;
- 3) маркер финала;
- 4) маркер ренарратива;
- 5) вербальный хезитатив;
- 6) маркер поиска (Богданова-Бегларян, Маслова 2019).

В финском языке исследователи также отмечают особенности функционирования аналогичных глаголов. А. Хакулинен и Э.-Л. Сеппянен пишут о приобретении разговорной формой *kato* (императив 2 лица единственного числа от глагола *katsoa* 'смотреть') функций частицы в спонтанных диалогах, поскольку в этом случае данная единица утрачивает как семантику, так и синтаксические особенности транзитивного глагола, требующего после себя наличия прямого или косвенного объекта (Hakulinen, Seppänen 1992). Также функции частицы приписываются и форме *kuule* (императив второго лица единственного числа от глагола *kuulla* 'слышать'), которая может выступать как

в начальной, средней, так и финальной позиции реплики (Hakulinen, Eriksson, Lindström 2003).

Материал и методика исследования

Для проведения сопоставления было решено остановиться на рассмотрении глаголов *katsoa* и *смотреть/посмотреть*. В обоих случаях была проанализирована форма императива второго лица, при этом в финском материале предметом исследования станут формы *katso* и *kato* (как более употребительная и частотная в разговорном языке), а в русском — форма *(по)смотри*. Материалом исследования послужили контексты употребления указанных форм как контактных глаголов, т. е. с ослаблением основной семантики, отобранные методом сплошной выборки из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, а также из корпуса ArkiSyn, представляющего финский разговорный дискурс. Оба корпуса содержат необходимую лингвистическую разметку и позволяют сделать определенные выводы о функционировании единиц в устной речи. После отбора контекстов словоупотребления были проанализированы с точки зрения реализуемости выявленных Богдановой-Бегларян и Масловой функций.

Результаты анализа единиц *katso/kato*

Метод сплошной выборки позволил определить 13 контекстов употребления единицы *katso* и 486 контекстов употребления *kato*. При этом дальнейший более тщательный анализ сократил количество материала для непосредственного исследования. Так, в случае с вариантом *katso* в корпус примеров вошло всего три контекста. Во всех остальных случаях по своей функциональности *katso* было невозможно отнести к контактным глаголам, поскольку сохранялась изначальная семантика, например:

- (1) *pa> nii <pa> sit se saattaa et no katso sieltä ohjeesta katso sieltä infosivulta <pa>* [«ну... тогда может что ну посмотри в той инструкции посмотри на этом инфосайте»];
- (2) *katso mikä kuva* [«посмотри, какая картина»; *здесь и далее перевод наш. — Н. О.*].

Также ряд контекстов был исключен из анализа из-за их повторов, вызванных техническими ошибками системы, или случаев омонимии, например с формой основы при отрицании:

- (3) *se oli tälläi ylhääl em mä mihinkää niinku täl korkeudel katso ku mä kävelen ko just sillai toiste nilkkoihii et jos sullaki olis se tatuointi ollu*

jossai tässä ni enhä mä olis sitä huûmannu [«она была там сверху и я никуда как бы туда высоко не смотрю когда иду только на лодыжки других так что если бы у тебя была эта татуировка где-то там то я бы заметил»].

Таким образом, абсолютная частотность употребления формы *katso* как контактного глагола в контекстах ArkiSyn составляет всего 0,0009%.

Более тщательный анализ оставшихся контекстов показал, что форма *katso* используется для реализации функции маркера старта:

(4) *katso ny <note> Alpo ottaa pulmapelin Raulolta ja alkaa koota sitä</note>* [«ну смотри <note> Алпо возьмет у Рауно головоломку и начнет собирать ее»].

В то же время контекстов использования формы *kato* намного больше, что свидетельствует прежде всего о том, что для спонтанной финской речи в большей степени характерно употребление разговорных форм. Подробный анализ контекстов корпуса ArkiSyn показал, что из 486 случаев лишь 430 подходят для проведения данного исследования, поскольку в 56 случаях единица *kato* или сохраняла свою семантику, или же речь шла о повторе. Таким образом, если говорить о частотности, то она составляет 0,148%, что практически в 165 раз выше показателя для единицы *katso*.

Дальнейший анализ контекстов позволил сделать ряд выводов относительно функций *kato* как контактного глагола. В 35,8% случаев (153 словоупотребления) он является маркером старта, например:

(5) *niin kato ku siin ol just just nimenomaan tämä takaajatus et et se o helppo keino* [«ну смотри там да да именно была такая мысль что что это простой способ»];

(6) *niin kato em mä pysty sit tämän puseron kans syätä mittän kuuma sit tule taas jotkut läiskät hehe* [«ну смотри я не могу с этим свитером есть ничего горячего опять какие-то пятна хе-хе»];

(7) *kato mul on sukulaiset tanskas* [«смотри у меня есть родственники в Дании»].

При этом стоит отметить, что для данного использования характерно сочетание *kato* с другими прагматемами. Достаточно распространенным является употребление *no* 'ну', *niin/ni* 'ну, так', или *siis* 'так' перед исследуемой единицей, а также *ku/kuin* 'как/когда' после.

В некоторых случаях *kato* встречается в окружении всех упомянутых прагматем, образуя целую прагматическую конструкцию, маркирующую начало реплики:

(8) *nii siis kato ku kyllähä meijä isä voi tuua mut* [«ну так смотри как конечно наш папа может прийти но»];

(9) *mm nii noo kato eihän se nyt niin nsshhh jes jes mm mt tuota noin öh* [«мм так ну смотри это не ну да да это так ох»].

В последнем примере при этом можно наблюдать также употребление *kato*, сопровождающееся хезитацией, что подтверждает наблюдения относительно русских контактных глаголов (Богданова-Бегларян, Маслова 2019, 167).

В качестве навигационного маркера *kato* встречается в 30,7% случаев (132 словоупотребления), помогая говорящему структурировать свою речь, заново обратить внимания слушателя на свои слова. Часто употребление в этой функции предваряется противительным союзом *mutta* 'но':

(10) *niin tota mä luulen et se on se mut kato siinä se vitsi just onki et ku mulkaan ei ollu mitään käsitystä et mitä siel on mhh* [«ну так я думаю, что это оно но смотри там такая штука на самом деле что у меня нет никакого представления что там»];

(11) *karmet pölypallerot th mut kato mä aateli et mä sun e lauaintaina siivoisin ku mä oon täällä vähän* [«змеиные шарики пыли но смотри я думал(а) что я в вос... э... субботу наведу порядок когда буду здесь немного»].

Также в этой же функции *kato* часто сопровождается единицей *kun/ku*, как и в предыдущем случае. Стоит отметить, что финские исследователи относят в данном случае *kun/ku* к комплементаторам (Hakulinen, Serpänen 1992), т. е. выполняющим функцию объекта, что свидетельствует о неполной десемантизации.

Реализация *kato* как маркера финала встречается намного реже, а именно в 8,83% случаев (38 словоупотреблений), при этом чаще всего в эллиптических конструкциях:

(12) *ja täällä kato* [«и вот..смотри»];

(13) *voi tässä on kato* [«ой вот смотри»];

(14) *tää on nii kato* [«вот так смотри»].

В данном случае кажется, что *kato* приобретает значение «понимать», «представлять».

В оставшихся 24,5% случаев (105 словоупотреблений) функцию *kato* можно описать как заполнение паузы хезитации, тесно связанное с поиском подходящего слова. Во многих случаях по контексту сложно определить, чем именно вызвана хезитация. Кроме этого, прослеживается тенденция употребления других маркеров хезитации, повторы, самоперебивы и пр.:

(15) *ku ei se kato kato nimiä et hän katsoo vaan et tos on* [«когда это не смотри смотри имя что он (она) смотрит только что там»];

(16) *mhy hu <pa> no kato nu <pa> <note> Teppo esittelee käsivarsiaan Villelle* [«хм хи <пауза> ну смотри сей... <пауза> Теппо протянет ладонь Вилле»];

(17) *<pa> vitsit katok kato hirvee kiire mä oon kato ens viikon kato katom mä lähen tonne t <pa> ulkomaillek kato et mull o hirvee kiire et mä e ehi kato* [«<пауза> шутишь смотри смотри ужасная спешка я смотри на следующей неделе я смотри отправляюсь туда ту... <пауза> за рубеж смотри что у меня ужасная спешка что я не успе... успеваю смотри»].

В данных контекстах *kato* практически не употребляется с *kun/ku*, что, по мнению Хакулинен, свидетельствует о процессе перехода этой формы в разряд частиц и практически полной потере глагольной семантики (Хакулинен, Serränen 1992).

Контекстов употребления в функции маркера ренарратива среди примеров, отобранных из корпуса, не было обнаружено.

Подводя итог, можно сказать, что анализ показал, что контактный глагол *katsoa* чаще предстает в разговорной форме *kato* как прагматема, реализует функцию стартового, навигационного и финального маркеров, а также вербального хезитатива. При этом в первых трех случаях процесс десемантизации происходит не до конца, в отличие от ситуации, когда *kato* функционирует как хезитатив.

Результаты анализа единиц «смотри/посмотри»

Для анализа функций видовой пары *смотри/посмотри* из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка также были отобраны контексты методом сплошной выборки. При этом отбор производился из той части корпуса, которая представляет устную непубличную речь, поскольку именно она является наиболее естественной и спонтанной.

Таким образом, первоначально в область внимания попали 572 контекста употребления формы *смотри* и 283 случая для единицы *посмотри*. Однако дальнейший анализ сократил количество исследуемых примеров до 132 и пяти соответственно. В остальных случаях единицы *смотри/посмотри* встречались с сохранением семантики даже для привлечения внимания, то есть установления контакта, например:

(18) *Люд/ иди посмотри/ кто-то пришел/ по-моему/ иди посмотри;*

(19) *Где твоя кукла. По-моему кукла где-то здесь оставалась. Иди-ка посмотри в своей комнате;*

(20) *Жуть какая. Еще воду как назло отключили. Смотри как за окошком красиво/ да? Как кружевное все;*

(21) *Немецкий и... Ой/ смотри/ мне шашлык принесли.*

В остальных случаях данные единицы реализуются в контекстах как прагматемы, выполняющие различные функции. При этом частотность употребления единицы *смотри* в такой роли составляет 0,006%, в то время как *посмотри* используется намного реже (частотность составляет всего 0,00003%).

В большем количестве случаев (79 контекстов из 132) *смотри* является маркером старта, при этом употребляясь не изолированно, а в окружении других хезитативов (*ну, вот, короче, значит*):

(22) *Вот/ смотри/ они нам не засчитали/ потому что;*

(23) *Ну смотри/ машину надо? Надо! Квартиру надо? наш/ этот/ выше плеча/ говорят/ за... этот клюшку-то;*

(24) *Вот смотри/ значит/ появляются поколения/ которые не знали/ что такое наши восьмидесятые годы/ они носят марки;*

(25) *Вот смотри короче/ здесь все переведено/ надо ответить на вопросы/ вот тут текст.*

Значительно реже *смотри* используется как навигационный маркер — 21,9% словоупотреблений (29 случаев), при этом в большинстве случаев говорящий меняет при этом тему разговора или переходит к другой мысли:

(26) *Ладно/ перенесу ее пораньше. Часа на четыре. Так/ смотри... В половину шестого закончу...;*

(27) *В принципе можно/я даже за/ но смотри девчонки обидятся/ что не позвали.*

Судя по результатам анализа, функция маркера финала не является типичной для этого контактного глагола — всего в 5 случаях, что составляет примерно 3,8%:

(28) *У меня/ кстати/ есть шедевральная эпопея/ смотри;*

(29) *Правильно/ ну вот смотри...;*

(30) *А. Вот. Ну смотри.*

При этом зачастую *смотри* в данной функции также предваряется другими хезитативами и дополнительными паузами.

Использование исследуемой единицы в качестве маркера ренарратива не встретилось в контекстах. Однако зафиксировано несколько случаев (5), в которых *смотри* употребляется при передаче чужой речи как стартовый маркер, например:

(31) *Она уже это/ вот grit/ смотри/ а в самом деле/ ты сказал шо/ это самое/ что малярией не ра... / это самое не болеют/ так это;*

(32) *Ну я не знаю/ ну как бы ну... Он такой/ «Ну смотри. Может/ ты отменишь поездку и будешь участвовать в конкурсе».*

Оставшиеся контексты (12,1%, 16 словоупотреблений) представляют заполнение пауз хезитации разного рода, при этом однозначно трактовать тот или иной случай как маркер поиска не представляется возможным:

(33) *Ну вот/ а если/ смотри... Просто блин/ если было бы это/ например/ последняя пара;*

(34) *Я аа я ну/ не знаю/ я хотел сначала... смотри/ спустя там в парикмахерскую/ диск купить/ фотографии тебе перекинуть...*

В то же время форма совершенного вида *посмотри*, как уже отмечалось выше, используется значительно реже (в 26,5 раз). При этом наблюдается реализация следующих функций:

1) стартовый маркер:

(35) *Посмотри/ предложи/ подумаем вместе// Че мы там говорили-то?*

2) навигационный маркер:

(36) *Господи/ он издевался над всеми над святыми/ всех он бил/ ить посмотри сейчас/*

ты вот не читаешь/ не веришь этому/ а святых-то ить всех он/ как они мучили/ как они издевались;

3) маркер финала в составе конструкции *ты посмотри*:

(37) *Иди/ погуляй. Ну куда ж ты? Какой ты нетерпеливый прям/ ты посмотри!*

Подводя итог, можно сказать, что наиболее частотной для контактного глагола (*по*)*смотри* является функция стартового маркера, что, возможно, объясняется исходной семантикой глагола.

Выводы

Если сопоставить результаты анализа финского и русского контактных глаголов, можно сделать вывод о том, что в их функционировании много общего, что говорит о несомненной типологической и структурной близости данных явлений в исследуемых языках. В обеих речевых культурах наиболее часто встречающейся функцией данных единиц является маркер старта. Скорее всего, это можно объяснить тем, что в данном случае десемантизация происходит не полностью. Интересной особенностью также является и то, что в обоих языках исследуемые формы окружают другие хезитативы, частотные для спонтанной речи.

Также важно отметить, что в каждом из языков чаще встречается какой-то один вариант: в финском языке это *kato*, в русском — *смотри*. Однако причины этого разные. Финская единица *kato* является более частотной, чем *katso*, во многом в силу того, что сама по себе представляет собой маркер разговорной речи и, соответственно, чаще употребляется в устной спонтанной речи, чем более литературный и нормативный вариант *katso*.

В случае с русской видовой парой (*по*)*смотри* более употребительным является вариант *смотри*. М. Д. Воейкова связывает это с большей десемантизацией форм несовершенного вида (Воейкова 2015).

Указанные особенности целесообразно учитывать при переводе, в частности, художественных текстов, содержащих устную речь героев, кинофильмов и пр. В дальнейшем кажется перспективным провести подобное исследование относительно других контактных глаголов финского и русского языков в компаративном аспекте, а также более подробно проанализировать тенденции их употребления внутри конкретной речевой культуры.

Источники

- Устный корпус. *Национальный корпус русского языка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html> (дата обращения 17.01.2021).
- ArkiSyn Database of Finnish Conversational Discourse. *META-SHARE*. [Online]. Available at: <https://metashare.csc.fi/repository/browse/arkisyn-database-of-finnish-conversational-discourse/dc30c186b0dd11e3b5d6005056be118ebcc745e7f57844a695637d9ddcea7253/> (accessed 17.01.2021).

Литература

- Блинова, О. В. (2016) Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы». В кн.: *XLV Международная филологическая научная конференция: Тезисы докладов (14–21 марта 2016 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 615–616.
- Богданова-Бегларян, Н. В., Маслова, Е. Р. (2019) Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. 3, № 15, с. 158–184.
- Воейкова, М. Д. (2015) Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. 11, № 1, с. 539–564.
- Гришина, Е. А. (2007) О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorpora.ru). В кн.: Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 года)*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, с. 147–157.
- Graf, E. (2011) *Interjektionen im Russischen als interactive Einheiten*. Frankfurt am Mein: Peter Lang-Verlag, 328 S.
- Hakulinen, A., Seppänen, E.-L. (1992) Finnish kato: From verb to particle. *Journal of Pragmatics*, vol. 18, no. 6, pp. 527–549. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90118-U](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90118-U)
- Hakulinen, A., Eriksson, K. L., Lindström, J. (2003) Kuule, kule, hördu projicerande partiklar i finska, estniska och svenska. In: B. Nordberg, L. K. Eriksson, K. Thelander, M. Thelander (eds.). *Grammatik och samtal*. Uppsala: Uppsala Universitet Publ., pp. 199–218.

Sources

- Ustnyj korpus [Corpus of Spoken Russian]. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]*. [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html> (accessed 17.01.2021). (In Russian)
- ArkiSyn Database of Finnish Conversational Discourse. *META-SHARE*. [Online]. Available at: <https://metashare.csc.fi/repository/browse/arkisyn-database-of-finnish-conversational-discourse/dc30c186b0dd11e3b5d6005056be118ebcc745e7f57844a695637d9ddcea7253/> (accessed 17.01.2021). (In Finnish)

References

- Blinova, O. V. (2016) Slushaj, smotri, podozhdi, skazhi, izvini: chastotnye imperativy kak “kommunikativnye devajisy” [Listen, look, wait, say, I’m sorry: Frequency imperatives as “communicative devices”]. In: *XLV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 14–21 marta 2016 g.: Tezisy dokladov [XLV International philological conference, Saint Petersburg, 14–21 March 2016: Abstracts]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 615–616. (In Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N. V., Maslova, A. A. (2019) Russkie kontaktnye glagoly v ustnoj spontannoj rechi: ob'em slovnika i funktsional'no-semanticheskoe raznoobrazie [Russian contact verbs in oral speech: Glossary and functional and semantic variety]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij — Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. 3, no. 15, pp. 158–184. (In Russian)
- Graf, E. (2011) *Interjektionen im Russischen als interactive Einheiten*. Frankfurt am Mein: Peter Lang-Verlag, 328 S. (In German)
- Grishina, E. A. (2007) O markerakh razgovornoj rechi (predvaritelnoe issledovanie podkorpusa kino v Natsional'nom korpuse russkogo yazyka, www.ruscorpora.ru) [The spoken Russian markers (Preliminary investigation of the Movie subcorpus of the Russian National Corpus, www.ruscorpora.ru)]. In: L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narinyani, V. P. Selegey (ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog 2007” (Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007 g.) [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference “Dialogue 2007” (Bekasovo, 30 May — 3 June 2007)]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 147–157. (In Russian)
- Hakulinen, A., Seppänen, E.-L. (1992) Finnish kato: From verb to particle. *Journal of Pragmatics*, vol. 18, no. 6, pp. 527–549. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90118-U](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90118-U) (In Finnish)

- Hakulinen, A., Eriksson, K. L., Lindström, J. (2003) Kuule, kule, hördu projicerande partiklar i finska, estniska och svenska [Kuule, kule, hördu projecting particles in Finnish, Estonian and Swedish]. In: B. Nordberg, L. K. Eriksson, K. Thelander, M. Thelander (eds.). *Grammatik och samtal [Grammar and conversation]*. Uppsala: Uppsala Universitet Publ., pp. 199–218. (In Swedish)
- Voejkova, M. D. (2015) Var'irovanie form SV/NSV v imperative: analiz faktorov [Variation of Perfect/Imperfect forms in imperative: Factor analysis]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij — Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 539–564. (In Russian)